

Глава 19. Властный президент и его тщеславный муж-супруга

Двери лифта открылись снова, но этого никто не заметил.

В медленно сужающемся проеме виднелся силуэт юноши: он стоял, покорно склонив голову, пока мужская ладонь властно оглаживала тонкую талию, обтянутую тканью рубашки. Замкнутое пространство кабины казалось до предела спрессованным, а холодный блеск полированного металла лишь усиливал ощущение фатальной неизбежности.

— Господин Мин, вы делаете мне больно.

У Лин Чжи были удивительно красивые губы — их уголки всегда были чуть приподняты, из-за чего казалось, будто он едва заметно улыбается, даже когда на его лице не отражалось никаких эмоций. Но стоило этим губам произнести жалобную фразу, как каждое слово превращалось в ядовитую пыльцу. Она проникала в легкие, дурманя рассудок и лишая воли.

Мин Яо не отстранился. Напротив, он с почти маниакальной точностью следовал своим же словам, переходя от «измерения талии» к более сокровенным рубежам.

Сердце в груди властного президента то болезненно расширялось, то сжималось, грозя вот-вот взорваться, словно опутанное шипастыми лозами. Но в этой боли он черпал едва ли не большее наслаждение, чем в ласке. Зеркальные стены лифта четко отражали их тени: темные пряди волос юноши послушно рассыпались по лбу, а на лице, нежном, как весенний цветок, играла торжествующая улыбка.

Чувство — вещь причудливая; его трудно описать словами и невозможно вызвать по заказу. И в прошлой жизни, и в этом мире Лин Чжи не раз встречал мужчин, которые проявляли к нему симпатию и соответствовали его высоким стандартам, но в них всегда чего-то не хватало. Какой-то искры.

В Мин Яо он увидел нечто особенное с первого взгляда. Но то был лишь мимолетный интерес, не побуждавший к решительным действиям, поэтому юноша не спеша вел свою игру, наслаждаясь каждым раундом этой интимной схватки.

Однако только что голос, взгляд и само присутствие Мин Яо заставили его внутренне содрогнуться. Это был не просто физический порыв — разум заполнила единственная мысль, сметая все прочие расчеты.

«Жаль... Как жаль, что это не входило в мои планы. Тот день, который я наметил для окончательного падения крепости, должен стать величайшим триумфом, актом почти священного жертвоприношения»

Поэтому — не сейчас. Не здесь. И уж точно не в такой обстановке.

Мин Яо, опалая дыханием ухо Лин Чжи, хрипло прошептал его мерки. Рубашка и брюки юноши уже были безнадежно измяты.

Лин Чжи рассмеялся, прерывисто дыша:

— Действительно, очень точно.

Мужчина коснулся губами его виска и на мгновение сам замер, пораженный собственным порывом. Юноша не сопротивлялся, он замер в его руках, демонстрируя почти пугающую покорность, готовность отдать всё и сразу.

Но стоило Мин Яо потянуться за новым поцелуем, как ладони Лин Чжи уперлись в его грудь, мягко, но непреклонно прерывая близость.

— Доброй ночи, господин Мин.

Он открыл глаза, и в его взгляде, казалось, сосредоточилась вся нежность мира.

Двери лифта, простоявшего без движения несколько минут, снова разошлись. Мужчина отъехал в сторону, глядя на Лин Чжи, который принялся приводить себя в порядок.

Юноша невозмутимо застегивал пуговицы, рассматривая в зеркальной стене отметины на ключицах. Скрыв их под воротником, он снова выглядел безупречно — хоть сейчас отправляй на деловые переговоры.

Створки лифта медленно сомкнулись, отсекая Мин Яо от этой ускользающей иллюзии, возвращая его из мира грез в холодную реальность. Сердце всё еще бешено колотилось, отчаянно цепляясь за послевкусие недавнего восторга.

Лин Чжи был похож на изысканную сладость с жидким центром: стоило лишь слегка надавить, прокусить тонкую оболочку, как на язык вырывался дурманящий сахар. И эта сладость имела накопительный эффект — она заставляла желать большего, стремиться к самому источнику, к пределу дозволенного. Но стоило подобраться к финалу, как сладкий морок бесследно рассеивался.

Мин Яо попытался выровнять дыхание, мрачно глядя на свои неподвижные ноги.

«Если бы я мог ходить... я бы его не отпустил»

***

Вернувшись в комнату, юноша обнаружил, что возбуждение не прошло. Оставив одежду на полу, он взял из ящика небольшой гаджет и скрылся в ванной.

Пусть он и жалел, что не может позволить себе лишнего прямо сейчас, мысли о грядущем финале лишь сильнее раззадоривали его. Лин Чжи никогда не забывал о своей миссии. Всё, что он делал, было лишь подготовкой к главному ходу. Его собственные желания стояли на втором месте после успеха — ведь на кону стояла сама жизнь. Он не нервничал, но и не позволял себе расслабляться. Просто Лин Чжи привык прятать серьезность за маской легкомыслия: так сложнее нащупать его уязвимые места.

Тепло воды и нарастающее удовольствие постепенно стерли грань между телом и сознанием, сливая их в единый экстаз. Струи душа окутали пространство густым паром, превращая зеркало в мутное полотно.

Лин Чжи поднял руку и вывел на запотевшем стекле дату. Его взгляд стал влажным и отсутствующим.

Когда наступил решающий миг, его пальцы мертвой хваткой впились в край раковины, а тонкая шея изогнулась, ловя последние капли изнеможения.

Щелкнул пульт, и гул прибора стих. Лин Чжи зачесал мокрые волосы назад, но те, мягкие и непослушные, тут же снова рассыпались по лбу.

Он подался вперед, вглядываясь в цифры на зеркале.

— 9.23.

Следы на стекле начали затягиваться паром, становясь нечеткими, пока капли воды не потекли вниз, смывая надпись.

Это был день рождения Мин Яо. Согласно собранным сведениям, одиннадцать лет назад в этот самый день произошла та авария. В тот день Мин Яо лишился возможности ходить, а его мать погибла.

День смерти матери и его собственный день рождения слились воедино. Для мужчины эта дата была наполнена особым, трагическим смыслом.

Лин Чжи окончательно стер цифры с зеркала, промыл игрушку и только после этого принялся принимать душ. Ему нужно было еще раз навестить дедушку, чтобы собрать недостающие кусочки этой головоломки.

***

На следующий день, закончив с делами, Лин Чжи отправился к старейшине. Погода стояла чудесная — ни жарко, ни холодно, тот самый благодатный покой ранней осени.

Благодаря лекарствам кашель у старика почти прошел, лишь изредка нарушая тишину веранды.

— Опять пришел? — проворчал Старейшина Мин, но в его голосе не было недовольства, скорее любопытство.

На столе негромко играл радиоприемник. Шла постановка «Лян Чжу», и печальные мелодии шаосинской оперы добавляли осеннему дню толику светлой грусти.

— Пришел проверить, не отлынивает ли дедушка от лечения.

Лин Чжи присел рядом, слушая, как старик ворчит — радостно и в то же время по-детски упрямо. Юноша едва заметно улыбнулся.

— Дедушка, может, купим вам новую птицу?

Он взглянул на пустую клетку. Он заметил её еще вчера, но тогда был не лучший момент для разговоров о потерях.

— Нет, подождем до весны. Сейчас братъ — только мучить животное холодными ночами, — старик вздохнул и принялся негромко напевать в такт приемнику: — «Иньтай не бесчувственна душой... сердце её чисто, как яшма... впереди лишь разлука на заставе... когда же мы свидимся вновь?»

Юноша слушал молча, и лишь когда песня затихла, спросил:

— Дедушка, ведь скоро день рождения Мин Яо?

Старейшина резко открыл глаза. В его взгляде вспыхнула небывалая острота — смесь подозрения и настороженности. Лин Чжи встретил этот взгляд открыто и спокойно.

— Когда я заходил в комнату Мин Яо, случайно увидел его документы. Но я не уверен, верна ли дата, поэтому решил уточнить у вас.

Случайно увидеть и специально выпытывать — вещи разные. Старейшина Мин был куда более склонен к паранойе, чем его внук. Лин Чжи прекрасно это понимал: когда он лгал, в его сердце не было места сомнениям.

Пусть старик проверяет, если захочет. Но вряд ли он пойдет с таким вопросом к самому Мин Яо. А то, что Лин Чжи бывал в спальне супруга и видел его личные вещи, лишь подтверждало в глазах деда, что их отношения развиваются.

Напряжение в глазах старика спало.

— Зачем тебе это?

В то мгновение Старейшина Мин действительно пытался разгадать истинные намерения юноши. Он не хотел, чтобы тот причинил внуку боль. Но он поверил Лин Чжи — отчасти из-за его искреннего вида, отчасти из-за того, как вел себя вчера Мин Яо. Когда дед заговорил об «отпуске прошлого», тот не стал, как обычно, читать нотации.

— Хочу приготовить ему подарок, — Лин Чжи смущенно улыбнулся, изображая застенчивость влюбленного юноши.

Старейшина тяжело вздохнул:

— Не стоит. Он не празднует. Уже давно.

Старик посмотрел на пустую клетку. Еще несколько дней назад там весело щебетал маленький комочек перьев, а теперь — пустота.

«...Разлука в башне стала вечной... не суждено нам вместе встретить старость» — продолжало доноситься из радио. Лицо старика стало совсем печальным.

Лин Чжи выждал паузу, демонстрируя понимающее сочувствие, и мягко произнес:

— Значит, начнем праздновать с этого года. Из некоторых теней нужно выходить, верно?

— У тебя доброе сердце, малец. Но я не хочу, чтобы твоя доброта обернулась бедой. В этот день его лучше оставить в покое. Праздник для него — лишь горькая ирония, лишний повод для боли.

— Это как-то связано с его родителями? — осторожно спросил юноша.

Старейшина кивнул. Его губы дрогнули, он явно хотел что-то добавить, но лишь обронил:

— Судьба бывает жестока.

Радио продолжало свою печальную повесть: «Ты унес с собой скорбь веков, как же мне жить в

одиночестве!»

Старейшина выключил приемник.

— Иногда такая преданность — вовсе не благо, — тихо проговорил он.

Лин Чжи молчал. Очевидно, корень проблемы Мин Яо крылся в смерти матери, а виновником того, что эта рана так и не затянулась, вероятно, был его отец.

«Может быть, отец возненавидел сына за смерть жены? Или причиной аварии стал сам Мин Яо? Неужели он, будучи подростком, сел за руль и по его вине погибла мать?»

Нет, это вряд ли. Лин Чжи изучал отчеты о той аварии. Дождливый день, машина потеряла управление и перевернулась. Мин Яо вытащили с заднего сиденья.

Юноша погрузился в раздумья. Даже если он прав и именно в этом кроется причина, по которой президент не хочет вставать на ноги, простыми уговорами тут не поможешь.

А он мог лишь подтолкнуть его, дать веский повод... В конце концов, Лин Чжи здесь именно для того, чтобы спасти его.

***

Пужинав с дедушкой, юноша уехал. В машине он открыл приложение на телефоне и проверил запись с камеры на ошейнике Но-Но.

Пока он демонстративно игнорировал Мин Яо последние несколько дней, тот, похоже, неплохо поладил со щенком. По крайней мере, когда Но-Но крутился у его колес, мужчина не прогонял его и даже приказывал слугам покормить пса. Через объектив камеры было видно, что выражение лица президента стало заметно мягче.

Вот только иногда Мин Яо рассеянно смотрел куда-то вдаль, словно чего-то ждал.

Лин Чжи усмехнулся. Знает ли Мин Яо, что у него бывает такое лицо?

Он вышел из приложения и отправил сообщение.

[Лин Чжи: Я только что уехал от дедушки. Ему гораздо лучше, кашель не такой сильный, как вчера. Еду домой]

Мин Яо, находившийся в офисе, увидел уведомление и сделал жест, прерывая совещание. Он

перечитал сообщение и набрал ответ.

[Мин Яо: Хорошо]

Участники видеоконференции так и не узнали, ради какого единственного слова их босс прервал встречу.

Лин Чжи было всё равно, он уже переключился на свои дела.

***

Приемы обычно проводились по вечерам, и банкет, на который Мин Яо пригласил Лин Чжи, не стал исключением. Костюм, сшитый по меркам, доставили юноше еще днем. Он был безупречен.

Лин Чжи выглядел настолько дружелюбным, что гости предпочитали подходить к нему, а не к суровому Мин Яо. Тот не заставлял юношу пить за него — напротив, он пристально следил, чтобы Лин Чжи не прикладывался к бокалу слишком часто.

Пока Лин Чжи отошел к фуршетному столу, Мин Яо нашел уединенный уголок. Но за поворотом слышались голоса.

— Да брось, ты его знаешь? Скинь контакты, а?

Голос звучал развязно. Мин Яо узнал его — это был третий молодой господин Цао, известный своими интрижками.

— Не глупи. Он женат, — ответил ему Цю Цинжун.

Мин Яо невольно нахмурился. Он уже догадывался, о ком идет речь.

— Ну и что, что женат? Мне такие даже больше по вкусу. К тому же кольца на пальце нет — значит, либо в семье разлад, либо он сам не прочь развлечься.

<http://bllate.org/book/15821/1428136>